

НАЧНУ с признания: я неравнодушен к этому городу. Я люблю этот город. Некогда бревенчатый, с деревянными тротуарами, некогда в тесном окружении бора — город с ласковым именем Бийск на берегу, светлой Бии...

Я очень редко бываю в нем и каждый раз, приехав, испытываю странные, казалось бы, несовместимые чувства: радуясь многочисленным новостройкам, боюсь, что уже снесли и «мою» улицу, и спешу к ней. И вот — я не застал ее. Ни ветхих домов, ни старых тополей, ни травы-муравы, «той самой», по которой когда-то бегал босиком.

От улицы, которой уже не было, я прежде всего пошел к театру. «Его-то не могут снести». — думал я, но, однако же, спешил. Не могу! Повезло Бийску: откуда в нем, некогда купеческом провинциальном городишке, такое замечательное театральное здание? Однако же хватило и души, и ума, и таланта — построили. И стоит, красуется...

Он всегда чуток, театр, и, как дека музыкального инструмента, немедленно реагирует на атмосферу окружающего его мира. Помню: романтично-наивные «Испанцы» в грозное для страны время уступили место суровому «Фронту». Его линия проходила и через далекий от огневых позиций Бийск — линия трудового фронта. Заводы, эвакуированные из западных областей страны, обосновались в нем, чтобы ковать оружие победы. Ей отдавали все свои силы, таланты и актеры городского театра, получая за это не только скудный паек, но и благодарность, но и признание рабочих, так похожих в то время на солдат у станков.

Этот экскурс из сегодня в давно минувшее я не мог не совершить: недавно город отметил тридцатилетие становления своего театра. В фойе второго этажа создан своеобразный музей. Его экспозиции год за годом, сезон за сезоном рассказывают о творческом пути театра за три минувших десятилетия. Я долго простаивал у фотогафий, афиш и программ тех военных лет, находил на пожелтевшей уже бумаге дорогие мне имена: Генералова, Кайгородцева, Лещенко, Гонцов, Воловик, Артемов, Андросенко... И вспоминалась не только моя зеленая юность и первые шаги по сцене, но и, переменяясь, передо мной явственно вставали те сценические эпизоды, то вдруг стены и фундаменты цехов, возводимых юности фронтовыми темпами, то зрители, пришедшие в театр от станков и со строев...

Быть может, столь обостренное видение давнего и такая тесная, неразрывная его совокупность — театр, завод, стройка — несколько преувеличены и объясняются прежде всего тем, что мы были тогда молоды и молодость наша совпала с несказанно трудными, но и яркими во всей суровой сути своей годами?

Возможно. Но сейчас, с «близкого расстояния» — из сегодня — какова эта связь города и театра? Есть ли в ней та, пусть несколько преувеличенная воображением и несовершенством нашей памяти, неразрывная совокупность, та необходимость друг в друге?

Премьера. Аншлаг. На сцене Бийского драматического театра «Долги наши» Эдуарда Володарского.

Я был на генеральной репетиции, сдаче, а потому на премьере спектакля «эмоции рядового зрителя» возникали во мне уже, так сказать, где-то на втором плане. Я стремился узнать, как слушает, как принимает, как понимает пьесу зал: в унисон ли бьются сейчас сердца тех, кто на сцене, и тех, кто в зале? Если это так, то не напрасен труд актеров, как не напрасно пришли в театр зрители. Сопереживание объединит

их, и они, став соучастниками и друзьями, уйдут из театра, чтобы прийти в него опять и привести с собой новых друзей.

И я слышу, чувствую сопереживание зала. И вдруг, в один из напряженнейших моментов, когда уже забылось, что это «только спектакль», в зале раздался улюлюкающий вопль, неоднократно повторенный в партере и ложах... Я сразу же увидел, как «сел» спектакль, и остро представил самочувствие актеров, которые должны были продолжать жизнь своих героев...

Хулиганские эти выкрики повторялись несколько раз. И потом, когда актеры выходили на аплодисменты — а их было много, — случилось, словно выплеснулось вдруг,

сложную внутреннюю жизнь труппы для того, чтобы подробнее выяснить взаимоотношения города и его театра.

Так называемый «абонементный зритель» Бийского театра — это верных три тысячи человек в месяц, или треть финансового плана театра. Но их «верность» совсем не та, о которой можно мечтать. Это просто «запрограммированные» механические посещения театра — не по зову души, а по графику. И потому, думается, совсем не случаен инцидент на премьере спектакля «Долги наши». Конечно, зрителя необходимо воспитывать, особенно молодого, и воспитывать должны не только те, кто его приводит в театр, но и сам театр и, оказывается, не только на сцене... И тем

ГОРОД И ЕГО ТЕАТР

совсем неожиданное. Артистка С. Герасимова шагнула вперед, к авансцене и, не сдерживая гнева и горечи, сказала:

— Сегодня в театре большой праздник: после многих трудов родился новый спектакль, спектакль о ваших отцах, матерях, старших братьях. Но вы, — актриса обращалась к неведомым ей крикунам, — вы сейчас наплевали на жизнь своих отцов и матерей, на их память. Не приходите больше к нам, в театре вам делать нечего...

Должна ли была так поступать актриса — не о том речь. В зале находился «абонементный зритель» — девушка педагогического училища и ребята еще одного заведения, называть которое я, пожалуй, не буду. Кричали, конечно, ребята... Случай безобразный, откровенно показывающий уровень гражданского воспитания молодежи в этом училище.

Но, как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». То, что случилось на премьере «Долгов наших», неожиданно, хотя и грубо, подсказало руководству театра необходимость встречи с коллективом училища. Роль такой встречи, положившей начало своеобразной форме воспитания и борьбы за зрителя, велика. Эта встреча сделала главное: она приблизила зрителя к театру, убедительно показала, как они нужны друг другу.

И тут я вижу один из главных истоков, позволяющих продолжить разговор о той самой неразрывной совокупности театра и города, о той необходимости друг в друге и о тех кирпичиках-блоках, из которых складывается творческий рост театра, ибо без настоящего зрителя, зрителя-театрала, рост этот бесплоден, да и нелеп.

Чтобы сводить концы с концами, двадцать девять актеров и актрис Бийского городского театра должны поставить в сезон восемь новых спектаклей и играть их, как и переходные спектакли из минувшего сезона, зачастую параллельно, сразу на двух площадках — на своей сцене и на выездках. И после сдачи премьеры «зверь-директор», как в шутку отзывался сам о себе Роберт Ефимович Ворошилов, вынужден был отправить утомленных, перенервничавших артистов на спектакль в район.

Что и говорить: трудностей много, и писать о них тоже можно много. Но я намеренно оставляю в стороне много-

не менее тысячи «абонементных зрителей», дающих театру треть месячного финансового плана, — это учащиеся профессионально-технических училищ, техникумов, институтов.

А город-то велик! Его население насчитывает уже 200 тысяч... Он все менее «бревенчат» и совсем уже не тих. Жилые кварталы, заводы, фабрики, комбинаты и еще раз заводы... Но где же «зритель от станков», тот самый, который запомнился с тех давних и суровых лет? Где рабочий человек, серьезный, благодарный, все испытывавший, все понимающий зритель?

В одной из наших бесед директор театра Роберт Ефимович Ворошилов и главный режиссер Александр Андреевич Клемантович, сетуя на то, что рабочий человек действительно редкий гость, высказали такую мысль: что, если в новом сезоне театральные абонементы вручать, как премию, лучшим людям предприятий? Тот же абонемент, что и для учащегося, но и совсем не тот — иной смысл и значимость заложены в нем уже не «график», а поощрение приведут человека в театр...

Но мы уже убедились, что «абонементный зритель» — совсем не тот, о котором можно мечтать. Он не постоянный друг, а случайный человек в театре. Отчужденность может еще больше увеличиться, когда театр обратится в своеобразную «нагрузку» и поощрению. Даже в торговле такая «нагрузка» не одобряется.

Вилеты в театр распространяются, конечно, на всех предприятиях города. Но берут их плохо. Почему? Рабочие разочарованы в своем театре? Так ли это? Прежде нужно знать — в чем разочаровываться. Но, значит, были и разочарования, а они очень стойки: разочаровавшись вчера, зритель не пойдет в театр сегодня. И никакие усилия общественных организаций разного рода и положения не вернут утраченного доверия.

Так что же делать?

Я помню, как горячо, с каким удовольствием рассказывал мне Александр Андреевич Клемантович о недавнем спектакле, поставленном прямо в цехе швейной фабрики. Как слушали, как принимали, как понимали актеров рабочие — четверта человек!.. Значит, путь один — широкий фронт пропаганды театра, его творчества в рабочих коллективах. Ведь главное — заявить о се-

бе во весь голос, привить вкус и любовь к театру, из чего потом непременно возникнет чувство взаимной необходимости. И тогда человек поймет: да, кино, да, телевизор, но театр остается театром, и нельзя его ничем заменить, и в нем возродится — увы! — утраченное чувство гордости горожанина за «свой театр»... И тогда станет ненужной со временем «абонементная система», так скрывающаяся репертуар, ведь ему, «абонементщику», обязательно подай «по графику» только новый спектакль.

Но возродить это чувство нелегко. Горожанин, придя, наконец, в театр, узнавая и сравнивая, не должен в нем разочаровываться. Для этого театру необходима стабильность его творческих удач, которые пробудят стабильный же интерес зрителя: он увидит в своем театре своеобразный институт духовной, этической, культурной жизни города.

Мечты... Но в них звучат, в них заключены и «долги наши», а чтобы их исполнить, мечты необходимо превратить в реальность. Трудно, конечно, это сделать, особенно так называемому «городскому театру», жизнь которого действительно многосложна. Но возможно. Необходимо только наряду с повышением художественного и идейного звучания спектаклей искать и множить возможности пропаганды театра, его контактов с городом.

Продолжая тему «город и театр», я передам, что считает необходимым для их сотрудничества начальник городского управления культуры Анатолий Гаврилович Андропов. Назвав обязательной стабильность актерской труппы, зритель будет любить «своих» актеров, а те имеют возможность работать плодотворно. — Анатолий Гаврилович сказал: «Стабильность эта во многом зависит не только, в примеру, от бытовых условий, которые может создать театр актеру, но и от умения влизного режиссера распознать его творческие возможности и развернуть их в полную силу. Содружество города и театра немислимо как безвосторонне продуманной репертуарной политики и высокого художественного качества спектаклей, так и без готовности парткомов и фабкомов промышленных предприятий оказать помощь театру в его стремлении к содружеству с рабочими коллективами, без постоянного внимания горкома партии. А внимание это, прямо надо сказать, в последнее время поугасло...»

...Я мысленно возвращаюсь в изначальное только что минувшего тридцатилетия Бийского театра, вспоминаю суровую зиму сурового 1942 года. Ведь труппа городского театра существовала и значительно ранее ныне официально принятой даты ее создания. Да, существовала, но уступила сцену, приняла под своей крышей коллектив Театра имени Моссорета, эвакуированного в далекий от столицы и тогда неведомый москвичам Бийск. С тех пор прошло много лет, но разве можно за их чередой забыть тот невероятно трудный год, то мужественное «самоотречение» артистов-бийчан, те спектакли Театра имени Моссорета? Бийчане помнят. Помнят ли моссоретовцы, когда-то в благодарность за приют назвавшиеся шефами? Если помнят, то почему бы им не помочь своему далекому алтанскому собрату в его благих устремлениях? Послать ли в Бийск режиссера для постановки спектакля из своего репертуара, сыграть ли ведущим мастерам-моссоретовцам в какой-либо из пьес Бийского театра?.. Это все высокая школа творчества, и это тоже «долги наши».

Но прежде всего «выплатить» эти долги землякам должны, конечно, сами актеры-бийчане.

Г. КОЧЕТКОВ.
БИЙСК — МОСКВА.